

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
Филологический факультет

**МАТЕРИАЛЫ  
XLII  
МЕЖДУНАРОДНОЙ  
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ  
КОНФЕРЕНЦИИ**

*Выпуск 17*

**Секция грамматики  
(романо-германский цикл)**

**11–16 марта 2013 года  
Санкт-Петербург**

Филологический факультет  
Санкт-Петербургского государственного университета  
Санкт-Петербург  
2013

преимущественное употребление в качестве компонентов простых инфинитивов динамических глаголов и ограничение на использование прогрессивных и перфектных форм (менее 0,2 %). В эпистемических контекстах допускается выбор компонента любой лексической и грамматической аспектуальной характеристики. С другой стороны, в отличие от центральных модальных глаголов, не имеющих видовых форм, квазимодальный *have to* может образовывать видовые формы, отражающие характер протекания необходимости. Подобные формы встречаются только в корневых предложениях и всегда подразумевают актуализацию выражаемого инфинитивом действия. Прогрессивные формы глагола *have to* описывают необходимость как **временную** и протекающую в определенный момент: [25] *Betty told Hardman that it was enough that she was having to prepare a special roast dinner in such weather (McEwan)*. Перфектные формы передают завершенную или предшествующую необходимость: [26] *I don't know yet what you've had to go through (Sheldon)*, [27] *But it wasn't the same as the language of the city to which she'd first been taken, because she'd had to learn a different way of speaking (Atwood)*.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд особенностей квазимодального глагола *have to* в плане семантики и темпоральной характеристики: ориентация на субъект предложения и связанное с ней преимущественное функционирование в **корневых** предложениях; более объективный характер выражаемой необходимости и, как возможное следствие, более высокая частотность употребления; способность передавать актуализацию и хабитуальность необходимости, размещать ее на разных точках временной оси и указывать на способ ее существования во времени. Выявленные особенности свидетельствуют об особом статусе глагола *have to* и исключают возможность его рассмотрения как менее формального и морфологически более «гибкого» эквивалента глагола *must*.

#### Литература

1. *Зеленцов А. В.* Пропозиция и модальность. 2-е изд., доп. М.: Либроком, 2010.
2. *Coates J.* The Semantics of the Modal Auxiliaries. London: Croom Helm, 1983.
3. *Collins P.* Modals and Quasi-modals in English. Amsterdam: Rodopi — New York, 2009.
4. *Palmer F. R.* Modality and the English Modals. London; New York: Longman, 1979.

Л. Н. Григорьева

#### ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА М. В. ЛОМОНОСОВА

В качестве объекта рассмотрения в данной статье выступают отдельные грамматические явления, характерные для немецких текстов великого русского ученого М. В. Ломоносова. Эти тексты представляют собой одну из составных частей его идиолекта, в который наряду с русским языком входит, кроме немецкого, еще латинский язык, именно этими языками в совершенстве владел этот ученый-энциклопедист.

Вслед за А. Н. Радищевым, назвавшим Ломоносова «согражданином Афин и Рима» (Радищев 1992: 116), его можно было бы вполне назвать согражданином Марбурга, Фрейберга, Лейпцига, Касселя и некоторых других европейских культурных и научных центров. Европейские ученые, говорившие и писавшие на латинском и немецком языках, глубоко повлияли на формирование его научных воззрений и внутреннего мира. В первую очередь, к таковым можно было бы отнести Г. Агриколу-Бауэра, И. А. Брауна, И. А. Гартмана, Г. Гейнзиуса, О. фон Герике, Х. Гольдбаха, И. К. Готшеда, Ф. Гофмана, Ю. Г. Дуйзинга, Г. В. Крафта, Г. В. Лейбница, В. Нейкирха, Л. В. Тюммига, Г. Э. Шталя, Г. Ф. В. Юнкера. Особенно значимым было влияние представителей Лейпцигского гуманизма.

В целом исследуемый материал позволяет сделать вывод о том, что Ломоносова отличал очень высокий уровень владения немецким языком. В основном этот язык он выучил за время своего пребывания в Германии (1736–1741). За это время он быстро прошел все этапы освоения немецкого языка — от первых шагов до свободного владения.

Успехи Ломоносова объясняются, возможно, тем, что он начал изучать немецкий язык еще в Петербурге, когда узнал о предстоящей поездке в Германию. Этому могло способствовать знакомство с адъюнктом Академии наук В. Е. Адодуровым, который занимался со студентами Академического университета математикой<sup>1</sup>. Ломоносов не мог не знать, что В. Е. Адодуров, пользуясь уникальным языковым окружением в Академии наук того времени, самостоятельно выучил немецкий язык. Он настолько хорошо овладел языком, что написал по-немецки грамматику русского языка («Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», 1733), предназначенную в качестве учебного пособия по изучению русского языка как иностранного для иностранцев, проживавших в России и за ее пределами. Изучению немецкого языка Ломоносов вполне мог посвятить также свободное время по пути в Германию, ведь это путешествие продолжалось почти два месяца. Помогать ему в этом мог его товарищ по поездке Г. У. Райзер, билингв, владевший немецким с детства.

Немецкий язык играл большую роль и в личной жизни М. В. Ломоносова (его жена, Елизавета Христина Ломоносова, и ее брат, Иоганн Цильх, мастер-смальтовар, живший в семье М. В. Ломоносова, предпочитали дома говорить по-немецки). Подтверждением этому служат воспоминания княгини Е. Р. Дашковой, записанные литератором К. А. Полевым. 7 июля 1764 г., узнав о болезни М. В. Ломоносова, Екатерина II посетила его дома. Увидев Елизавету Христину, императрица первой заговорила с ней по-немецки (Полевой, 1836: 307).

Действительно ли М. В. Ломоносов хорошо владел немецким языком? Одним из документальных свидетельств этого служит следующий факт: в 1747–1748 гг. канцелярия Академии наук посчитала возможным включить Ломоносова, наряду с двумя носителями языка — академиками Христианом фон Винсгеймом и Герардом Фридрихом Миллером в состав комиссии, принимавшей экзамен у лиц, которые хотели, выражаясь современным языком, работать профессиональными переводчиками. Например, 27 января 1747 г. Ломоносов сообщает в академическую канцелярию о результатах работы комиссии в своем рапорте в канцелярию Академии наук: «мы оного прапорщика Акулова [...] экзаменовали и дали ему переводить разные материи, а именно грамотки из некоторой печатной книги с немецко-

го на русский язык, да период из некоторой исторической книги с русского на немецкий язык, которые оба переводы его явились нарочитые (т. е. хорошие. — Л. Г.), а третью, философскую материю, которая ему дана была, не таково разумительно он перевел» (АПСС, 9: 917–618)<sup>1</sup>.

Немецкие тексты М. В. Ломоносова весьма разнообразны по своему объему и жанру. Это прежде всего служебные и деловые документы (рапорты, отчеты, записки и пр.), около 70 % текстов составляют личные и деловые письма Ломоносова барону И. А. фон Корфу, И. Д. Шумахеру, Л. Эйлеру, Г. В. Рихману, Я. Я. Штелину, И. Г. Гмелину и др.

Всего в его немецких текстах зафиксировано 1758 лексем, представленных в виде 13 000 словоформ. Немецкий язык Ломоносова отличается достаточно обширным лексическим составом, ограниченным, правда, жанровыми особенностями текстов. Логично предположить, что запас слов ученого был намного шире, потому что он пользовался этим языком при общении со своими коллегами по Академии наук, а также дома, что вряд ли смогло найти отражение в сохранившихся материалах.

Помимо достаточно обширного словарного запаса немецкий язык Ломоносова характеризует также разнообразие используемых морфологических и синтаксических форм. При этом стоит отметить, что по мере освоения языка возрастает и степень сложности используемых грамматических структур. В качестве примера можно назвать орфографические колебания в отображении немецкой фонемы [ʃ] перед согласными *p* и *t*, отображаемой то с помощью одной буквы *s* (Sprachmeister, sprechen), то с помощью триграфа *sch* (Schprache, Schprachmeister), что соответствует более ранним этапам становления немецкого языка.

Почти во всех текстах, особенно более позднего периода (имеется в виду время после возвращения Ломоносова из Германии), используются довольно сложные грамматические формы и структуры, такие как: Passiv, Konjunktiv, haben + zu + Infinitiv, типа:

- vergleicht werden können;
- zur Philosophischen Fakultät in Wittenberg sind 9 Professores geordnet, und diesen 6 Adjuncti beygesetzt worden;
- nichts zu sagen hat.

<sup>1</sup> В 1733 г. Адодуров первым из русских воспитанников Академии наук получает звание адъюкта по кафедре высшей математики.

<sup>1</sup> Все последующие сноски на труды М. В. Ломоносова с использованием сокращения АПСС даются на его полное собрание сочинений в 11 томах.

Тексты Ломоносова изобилуют также весьма сложными и замысловатыми по своей синтаксической структуре предложениями, что объясняется их функциональной принадлежностью к деловой корреспонденции, т. е. к официально-деловому функциональному стилю:

Denn weil er alle Materialien, die er für uns nöthig gehabt, hat er bey seinem Schwieger Vatter ausgenommen, welchem er reichlich alles betzahlet, so wol[!]te er endlich das Geld sparen und uns des Monats mit 4 Rthl. abspeisen, welches gantz u[nd] gar unmöglich war, daß wir damit uns sustentiren kön[n]ten (АПСЦ, 10: 424).

Так, в приведенном выше примере насчитывается семь элементарных предложений, представляющих собой разные типы придаточных: причинное, определительное, изъяснительное. Подобную громоздкость внутрипредложенческой структуры отмечал при исследовании раневерхне-немецкого языка В. Г. Адмони (1963). Интересен также тот факт, что для ввода придаточного предложения причины Ломоносов использует два синонимичных союза (*denn* и *weil*). Поскольку один из союзов является сочинительным, то в придаточном сохраняется порядок слов простого независимого предложения.

Структуры простых предложений «отяжелены» использованием разнообразных рамочных конструкций и обособленных оборотов, как, например, распространенными причастиями и инфинитивными группами, что уже тогда отличало немецкий официально-деловой и научный стили речи:

Denn, so bald wir von dem Herrn Hof-Cammerrath den Abschied genommen, so hat der Bergrath Henkel angefangen das von der Academie der Wießenschafften uns bestimmtes Geld auf zu halten (АПСЦ, 10, 422).

Типичным явлением немецких текстов Ломоносова является также частое использование этикетных формул, принятых в деловой и частной корреспонденции того времени. Поскольку в 10-м томе собрания сочинений М. В. Ломоносова представлены в основном служебные письма, переписка с коллегами по Академии наук, то как используемые в них обращения, так и заключительные фразы носят подчеркнуто вежливый характер. Ср. подобные обрамления из писем Ломоносова с временным интервалом в более чем в 15 лет. Первый пример заимствован из письма И. А. Корфу от 15 сентября 1737 г.:

Hochwohlgebohrner Herr,  
Gnädiger Herr Cammerherr!

...  
Ew. Hochgebohrnen Exellentz unterthänigster Diener Michel Lomonosoff

Второй пример представляет собой начало и завершение из письма И. Д. Шумахеру от 1 мая 1745 г.:

Wohlgebohrener Herr,  
Hochgeehrtester Herr Rath!

...  
Ew. Wohlgebohrenen meines Hochgeehrtesten Herrn gantz ergebenster und gehorsamster Diener M. Lomonosoff

В обоих письмах представлены несколько отличающиеся друг от друга варианты этикетных формул, которые Ломоносов, по-видимому, заимствовал из получаемых им от немецких коллег писем. При этом письма, адресованные лицам, не находящимся на иерархически более высокой ступени, имеют совершенно иной репертуар формул. Так, в своих более поздних письмах к коллегам, с которыми его связывали не только служебные отношения, можно наблюдать несколько иные виды обращений, например в письме Якобу Штелину от 27 июня 1758 г.:

Hochwohlgebohrner Herr Hofrath,  
Hochgeschätzter Freund.

...  
Dero ergebenster Diener  
M. Lomonosoff

Ср. также письмо от 18 апреля 1741 г. Д. И. Виноградову, третьему из товарищей Ломоносова по обучению в Германии. В этом письме начальные и заключительные фразы свидетельствуют об иерархически равных отношениях. Так, в начале письма присутствует нейтральное обращение по-французски, хотя первое, следующее за обращением, предложение содержит в себе неотъемлемые для того времени этикетные компоненты «Ew. Wohledlen»; а в завершении письма непосредственно указывается на связывающие обоих дружеские отношения:

Monsieur.  
Da Ew. Wohledlen in Dero aus Marburg an mich ergangenes Schreiben

...  
Aufrichtiger Freind und Diener Lomonosoff

Интересен также тот факт, что письма и отчеты Ломоносова за время пребывания в Германии написаны исключительно по-немецки. Начиная с 1742 г. в его деловой дружеской корреспонденции присутствуют письма на всех трех языках, которыми он владел (русском, латинском и немецком). Так, свою переписку с Леонардом Эйлером Ломоносом вел обычно по-латински, и там отчетливо прослеживается совершенно иная традиция использования речевых клише. Но при этом в этих письмах не исключались вставки на немецком. Так, например, постскриптум к письму от 28 марта 1754 г. написан по-немецки. С течением времени, особенно во второй половине XVIII в. в его эпистолярном наследии преобладают уже письма на русском языке. Если за период пребывания в Германии (1737–1741) все 12 опубликованных в полном собрании сочинений документов написаны по-немецки, то в последующий петербургский период (1742–1752) по-немецки написана только где-то половина из опубликованного. В последний же период жизни Ломоносова (1762–1765) из 39 документальных свидетельств по-немецки написаны только 7 писем.

Итак, приведенный анализ позволяет сделать предварительные выводы о том, что познания М. В. Ломоносова в немецком языке отличали как словарное богатство и грамматическая корректность, так и хорошее стилевое чутье — владение разнообразными функциональными нормами и стереотипами. Продолжение данного исследования позволит внести вклад в изучение полилингвизма великого русского ученого.

#### Литература

1. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963.
2. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л., 1950–1983, а также другие тома.
3. Полевой К. А. Михаил Васильевич Ломоносов. Т. 2. М., 1836.
4. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1992.

Н. Н. Гриднева

#### ЭКСПЛИЦИТНО ОБ ИМПЛИЦИТНОМ

В настоящей работе речь пойдет о механизме прочтения имплицитных частей таких синтаксических структур английского языка, как конструкции со свернутыми предикатными актантами (КПА), представленными именными фразами конкретной семантики *Tell him you want (to get, to buy, to have/possess) a Rolls-Royce....; The choir started (singing) 'Messiah' at two o'clock; Mary started (learning) French at 15*. Будут предложены ответы на следующие вопросы: что обуславливает возможность оставить некоторые части построений без экспликации, какие именно смыслы стоят за ними и как же прочитываются такие «урезанные» конструкции? Несмотря на то, что КПА, в которых все компоненты представлены на поверхностно-синтаксическом уровне, попали в фокус внимания исследователей еще в конце 70-х годов прошлого столетия (их изучением занимались представители предикатно-аргументной теории: В. Б. Касевич, В. С. Храковский, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, В. В. Богданов, а также такие ученые, как В. М. Аринштейн, Ю. А. Левицкий, А. К. Оглоблин, J. D. McCawley, R. W. Langacker, E. Anderson, S. Greenbaum, B. Aarts, J. Aarts и др.), обзор литературы по данному вопросу показал, что едва ли уделялось внимание тем конструкциям, в которых предикатные актаны (ПА) представлены не полностью, т. е. частично имплицитованы. Зачастую это лишь констатация факта их существования. А значит, вне интереса оставался и механизм восполнения имеющихся в этих конструкциях лакун. Отсюда налицо актуальность данного исследования. Новизной работы оказывается описание механизма восстановления скрытых смыслов, присутствующих в конструкциях с частично имплицитными (свернутыми) ПА (СПА).